

Бабочки в мифах, легендах и литературе

Доктор
химических наук,
профессор
Л.В. Каабак

Скажи, зачем узор
такой был даден
тебе всего лишь на день?..
Такая красота
и срок столь краткий,
соединяясь, догадкой
кривят уста:
не высказать ясней,
что в самом деле
мир создан был без цели,
а если с ней,
то цель — не мы...

Иосиф Бродский

«Мертвая голова»

С глубокой древности люди восхищались бабочками, их красотой, изяществом и разнообразием. А тайна превращения гусеницы в куколку, неподвижной куколки в порхающее насекомое, или бесшумное появление из тьмы ночной бабочки внушали трепет перед неведомыми силами. Отсюда двойственное отношение к бабочкам в разных странах и культурах, у разных народов и даже у разных людей.

Мифы и легенды о бабочках есть почти у всех народов мира. Древние представления о них связаны с самыми главными для человека понятиями: жизнь и смерть, душа, любовь, счастье. До сих пор многие в России и в других славянских странах стараются отогнать ночную бабочку от огня. Согласно древнему поверью, такая бабочка — душа умершего предка, а ночная тьма, из которой она появляется, возможно, ассоциировалась с потусторонним миром. На юге России, когда видели бабочку, кружившуюся вокруг пламени свечи, поминали умерших, называя их имена. А в Польше родители запрещали детям убивать бабочек: «Вдруг это твой покойный дедушка или бабушка?» Болгары во время засухи просили бабочку о дожде, так как верили, что они летают возле Бога и обязательно передадут ему просьбы «внуков».

У славян представление об этом насекомом как о душе предка отразилось не только в его диалектных названиях («душа», «душечка»), но и в общеупотребительном — «бабочка». Оно восходит к праславянскому *баба*,

которое, по мнению большинства лингвистов-этимологов, в древности обозначало предка. «Бабочка» — не единственное русское название с этим корнем. В селах и деревнях порхающее насекомое могут почтительно именовать «бабуля», а также «бабучка», «бабурка», «бабайка», «баба», «бабка» и т. д.

В то же время страх перед необъяснимыми метаморфозами насекомого сформировал восприятие бабочки как демонической, злой души. В некоторых районах Польши ее называют «диабел», «чертица», в Сербии — «мара», «вампир». По народным поверьям, душа-бабочка вылетает из вампира, когда его протыкают осиновым колом, поэтому, чтобы окончательно обезвредить кровопийца, надо убить и эту бабочку. Считалось также, что ведьмы могут в виде бабочки летать по ночам к чужой короле и отбирать у нее молоко. В глухих районах Сербии и в наши дни специально калечат (но не убивают) бабочку, прилетевшую ночью на огонь: ей слегка подпаливают крылья, чтобы наутро по ожогам на руках опознать женщину-ведьму.

Особое отношение к бабочкам берет начало в античности. Древние греки заметили грустные, словно плачущие глазки на крыльях павлиньего глаза и связали эту бабочку со страданиями, выпавшими на долю возлюбленной Зевса — прекрасной девушки Ио. Опасаясь гнева своей жены, ревнивой Геры, Зевс превратил Ио в белоснежную телку. Но Гера, продолжая мстить, наслала на нее чудовищного овода, который причи-

нял несчастной непереносимые страдания. Слезы, лившиеся из глаз бедной телки, утерла бабочка, названная за это впоследствии именем безвинной жертвы — *Inachis io*. В мифах Эллады бабочки часто предстают символами любви, а в древнегреческом языке бабочка и душа назывались одним и тем же словом — «психе».

С глубочайшим почтением относятся к бабочкам буддисты: ведь именно к бабочке обратился Будда в своей предсмертной проповеди. Особым уважением пользуются в Азии ночные бабочки: там их тоже считают душами умерших и хранителями живых. В Восточной Азии до сих пор живет легенда о потерявшем жену старике, который долго и безуспешно плакал на ее могиле, пока не прилетела огромная белая ночная бабочка и не унесла его в царство духов, где он и встретил умершую.

Индейцы Бразилии верят, что душа человека после смерти превращается в сияющую синевую бабочку-морфиду. Поэтому, когда умирал их соплеменник, они исполняли ритуальный танец, подражая стремительному полету этой прекрасной бабочки. Интересно, что и древние греки, и первые христиане тоже видели символ души, покидающей тело, в бабочке, освободившейся из куколки.

Но, пожалуй, больше всего любят бабочек в Японии. Здесь считают, что увидеть бабочку у себя в доме — к счастью: бабочки в японской культуре символизируют все лучшее в жизни человека. «Танцем бабочек», выражающим радость жизни, традиционно открывают торжественные шествия и праздники. Недаром японцы уже тысячи лет славятся своим утонченным эстетическим вкусом!

Немало ярких, подчас потрясающих описаний и самих бабочек, и впечатлений от встреч с ними хранит художественная литература. Отчетливый рисунок в виде черепа на груди бабочки «мертвая голова» неоднократно давал пищу фантазии художников, писателей, кинематографистов. Мимо этого образа не прошел и великий американский писатель Эдгар По.

Cithaerias esmeralda

РАДОСТИ ЖИЗНИ

Прекрасная и жутковатая бабочка описана им в рассказе «Сфинкс». («Мертвая голова» относится к семейству бражников, называемых также сфинксами.) Ошибка в оценке расстояния стала причиной ошибочной оценки размера: бабочка ползла по паутине на окне, а герою рассказа показалось, что по склону холма за окном движется ужасное чудовище. Однако этот прием позволяет иначе увидеть насекомое, по-новому оценить его необычную и даже устрашающую внешность.

«На исходе знойного дня я сидел с книгой у открытого окна, из которого открывался прекрасный вид на берега реки и на склон дальнего холма, почти безлесный после сильного оползня... Я увидел там нечто невероятное — какое-то мерзкое чудовище быстро спускалось с вершины... Пасть его была расположена на конце хобота длиной футов в шестьдесят или семьдесят и толщиной едва ли не с туловище слона. Основание хобота сплошь заросло черной, косматой шерстью — столько шерсти не

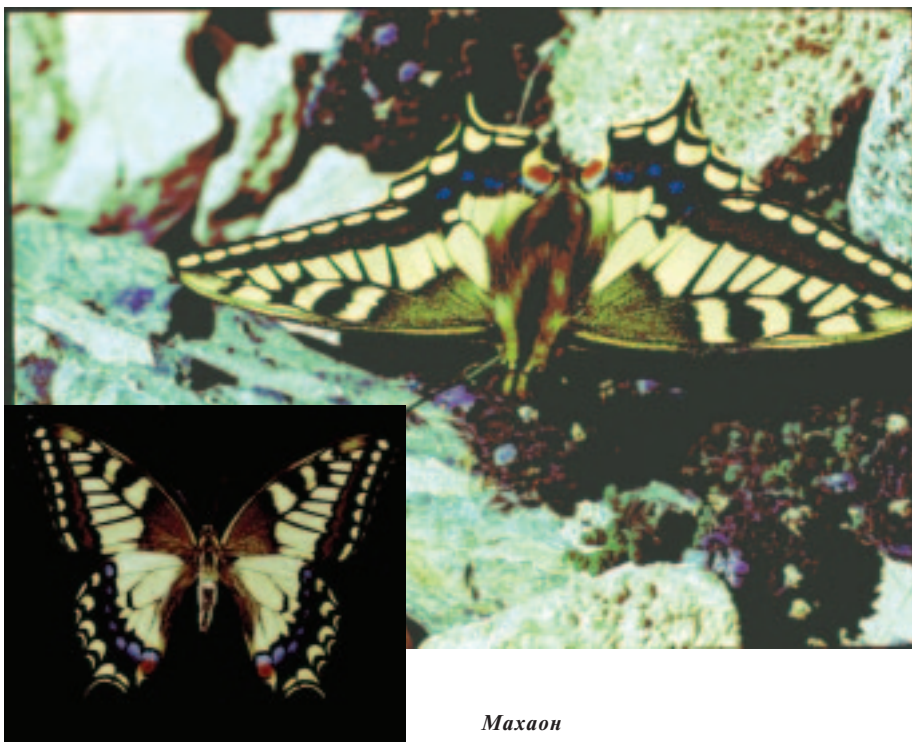
настричь и с двух десятков буйволов; из нее, загибаясь вниз и в стороны, торчали два сверкающих клыка, похожих на кабаньи, но неизмеримо более длинных. По обе стороны от хобота, параллельно ему, выступали вперед громадные отростки длиной футов в тридцать, а то и сорок, похожие на кристально-прозрачные призмы безупречной формы — они во всем великолепии отражали закат. Туловище напоминало клин, острием обращенный к земле. С боков распростерлись одна над другой две пары крыльев — размахом в добрую сотню ярдов, — густо усеянные металлической чешуей; каждая чешуйчатая пластина имела в поперечнике футов десять или двадцать. Мне показалось, что верхние и нижние крылья скованы тяжелой цепью. Но всего поразительней и ужасней было изображение черепа едва ли не во всю грудь, так отчетливо выделявшееся в ослепительном свете на темном туловище, словно оно было выписано кистью художника. Когда я в

ужасе и удивлении разглядывал это страшилище, и в особенности его грудь, с предчувствием близкой беды, которое не могли заглушить никакие доводы рассудка, огромная пасть на конце хобота вдруг разверзлась и исторгла звук, столь громкий и неизъяснимо горестный, что он сокрушил мое сердце, как похоронный звон, и, когда чудовище исчезло у подножия холма, я без чувств рухнул на пол».

Бабочка изображена безупречно, во всех морфологических подробностях. Тем не менее ясно, что сам Эдгар По энтомологией не увлекался и описание насекомого, скорее всего, почерпнул из книги: действие рассказа происходит в США, где «мертвая голова» попросту не обитает.

В современном детективном романе Джо Алекса «Мертвая голова» во время ночного лета этих бабочек совершено зловещее изощренное убийство. И окончательно изобличить убийцу помогает экземпляр «мертвой головы». Кстати, научное название этой бабочки, данное ей Карлом Линнеем, — *Acherontia atropos*. В древнегреческой мифологии Атропос (Неотвратимая) — одна из мойр, трех богинь судьбы: именно она перерезает нить жизни человека, когда приходит его срок. Зловещую роль играет эта бабочка и в фильме «Молчание ягнят» Джонатана Демма: маньяк-убийца кладет в рот своим жертвам куколку «мертвой головы». Во многих кинофильмах ящички с бабочками украшают жилища персонажей, в зависимости от воли режиссера подчеркивая то их добродетели (стремление к прекрасному), то пороки (убийство чудесных созданий).

А Валентин Катаев в своих воспоминаниях о детстве «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» видит в коллекционировании бабочек стремление ребенка вступить «в борьбу с самой Смертью, с ее разрушительной силой и, желая дать вечность, предохранить от губительного тления красоту... мира, рассеянную вокруг нас в таком изобилии и

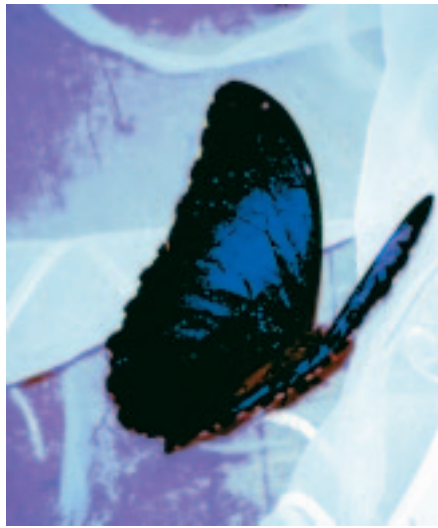
Махаон

разнообразии форм и красок».

Бабочка не единожды становилась одним из центральных образов литературного произведения. Герой романа Томаса Манна «Доктор Фауст», композитор Адриан Леверкю, отождествляет бабочку *Hetaera esmeralda* (о ней он услышал в детстве от увлеченного естествознанием отца) с любимой женщиной, связь с которой оказалась пагубной для его жизни, но благодатной для творчества. Стекланные крылышки призрачного существа герой воспринимает как символ союза с дьяволом, подобно договору гетевского Фауста с Мефистофелем, а анаграмма латинского названия стала лейтмотивом многих произведений героя.

О бабочках, о страсти к их коллекционированию вдохновенно писал и Сергей Тимофеевич Аксаков в рассказе, который так и называется: «Собирание бабочек». «Собирание бабочек было одним из тех увлечений моей ранней молодости, которое хотя недолго, но зато со всею силою страсти владело мною и оставило в моей памяти глубокое, свежее до сих пор впечатление... Да и в самом деле, из всех насекомых, населяющих Божий мир, из всех мелких тварей, ползающих, прыгающих и летающих, — бабочка лучше, изящнее всех. Это поистине «порхающий цветок», или расписанный чудными яркими красками, блестящими золотом, серебром и перламутром, или испещренный неопределенными цветами и узорами, не менее прекрасными и привлекательными; это милое, чистое создание, никому не делающее вреда, питающееся соком цветов, который сосет оно своим хоботком, у иных коротеньким и толстым, а у иных длинным и тоненьким, как волос, свивающимся в несколько колечек, когда нет надобности в его употреблении. Как радостно первое появление бабочек весной!.. Какое одушевление придают они природе...»

Замечательный писатель и философ Михаил Пришвин, остро чувствующий свою слитность с природой, в небольшом лирическом рассказе

«Лесная быль» с фотографической точностью описал стремление бабочки к свободе. «Серая бабочка, вроде большой моли, свалилась и легла в омут на спину, треугольником, и там, живая, была как бы распята своими крылышками на воде. Она беспрерывно шевелила ножками, от этого сама шевелилась, и все движения маленькой бабочки по всему омуту расходились частыми кругами с мелкой волной... Глядя на бабочку, я вспомнил свою борьбу: тоже не раз приходилось лежать на спине и в отчаянье биться за свободу руками, ногами и всем, что ни попалося. Вспомнил время своей неволи, ударил по омуту камнем и такую в омуте поднял волну, что она подняла бабочку, выправила ее и помогла ей подняться на воздух».

Самые тонкие, пронзительные и поэтичные строки о бабочках и коллекционерах подарил нам великий Владимир Набоков. Две страсти, к литературе и к изучению бабочек, не столько боролись в нем, сколько дополняли друг друга. Вот лишь два отрывка из его книги «Другие берега».

«Сыздетства утренний блеск в окне говорил мне одно, и только одно: есть солнце — будут и бабочки. Началось все это, когда мне шел седьмой год, и началось с довольно банального случая. На персидской сирени у веранды флигеля я увидел первого своего махаона — до сих пор аоническое обаяние этих голых гласных наполняет меня каким-то восторженным гулом! Великолепное, бледно-желтое животное в черных и синих ступенчатых пятнах, с попугайчим глазком над каждой из парных черно-палевых шпор, свешивалось с наклоненной малиново-лиловой грозди и, упиваясь ею, все время судорожно хлопало своими громадными крыльями. Я стонал от желанья».

«Помню, как однажды я заметил на веточке у калитки парка имевшуюся у меня только в купленных экземплярах, драгоценнейшую, темно-коричневую, украшенную тонким, белым зигзагом с изнанки, тэклу (хвостатку березовую — *Thecla betulae*. — Л.К.). Ее наблюдали в губернии лишь раз до меня, и вообще это была прелестная редкость. Я замер. Ударить по ней мне было не с руки, — она сидела у самого моего правого плеча, и я с бесконечными предосторожностями стал переводить сачок за спиной из одной руки в другую; тэкла между тем ждала с хитреньким выражением крыльев: они были плотно сжаты, и нижние, снабженные усикопоподобными хвостиками, терлись друг о дружку дискообразным движением — быть может производя стрепет, слишком высокий по тону, чтобы человек мог его уловить. Наконец, с размаху, я свистнул по ней рампеткой (сачком. — Л.К.). Мы все слышали стон теннисиста, когда, на краю победы промазав легкой мяч, он в ужасной муке вытягивается на цыпочках, откинув голову и приложив ладонь ко лбу. Мы все видали лицо знаменитого грессмейстера, вдруг подставившего ферзя местному любителю... Но никто не присутствовал при том, как я вытряхивал веточку из сетки и глядел на дырку в кисее».

В щемящем, потрясающем по психологической глубине рассказе Набокова «Пильграм» мы видим человека, вся жизнь которого заполнена тоскливой мечтой о ловле бабочек в тропиках. Когда же наконец у него появились необходимые деньги — не выдержало сердце. Но мечта не умерла с ним: «Он... вероятно, увидел, как вокруг высоких, ослепительно белых фонарей на севильском бульваре кружатся бледные ночные бабочки; вероятно, он попал и в Конго, и в Суринам и увидел всех тех

Павлиний глаз

бабочек, которых мечтал увидеть, — бархатно-черных с пурпурными пятнами между крепких жилок, густосиних и маленьких слюдяных с сажками, как черные перья».

Не обошли вниманием бабочек и писатели-фантасты. Павел Вежанов в рассказе «Синие бабочки» населил совершенную природу планеты Хела, на расстоянии в шестнадцать световых лет от Земли, лишь одними бабочками: «В тот момент и пролетела первая бабочка. Она поднялась с большого черного цветка и опустилась шагах в десяти от них. Это была огромная бабочка — размах ее крыльев был не меньше трех метров... Поразили не столько размеры этого существа, сколько его необыкновенная красота... Крылья были бархатисто-синие, с темными прожилками, усеянные бледно-желтыми пятнами. Грациозные усики, заканчивающиеся маленькими желтыми шариками, беспокойно трепетали над ее головой. Тело было словно обтянуто нежной, мягко отсвечивающей тканью, которую вряд ли могли создать человеческие руки. Несмотря на свои размеры, бабочка казалась легкой, стройной и изящной...» Необыкновенно богатым оказался и духовный мир этих сказочных созданий.

Разумные бабочки описаны и в недавнем романе Юлия Буркина «Цветы на нашем пепле», который имел шумный успех у любителей фантастики. А Александр Проханов с самых первых страниц своего романа «Последний солдат империи» предстает романтическим, страстным и компетентным коллекционером бабочек...

Героя рассказа Рэя Брэдбери «И грянул гром» машина времени переносит на 60 миллионов лет назад, в эпоху динозавров. Там он случайно раздавил бабочку и, вернувшись в наше время, нашел мир совсем другим — намного худшим. Так бабочка

Зефир березовый, Thecla betulae — обидчица Набокова

символизировала звено в исторической связи всех живых существ. И даже растоптанная, она остается прекрасной, «отливающей зеленью, золотом и чернью».

А вот в русской поэзии мотылек, бабочка — символ свободы, любви и надежды. Так воспринимали их Василий Жуковский, Федор Глинка, Аполлон Майков. И конечно же — Афанасий Фет и Иван Бунин. Недаром Владимир Набоков из всех русских поэтов только Бунина и Фета считал «видевшими бабочек».

*Ты прав — одним воздушным очертаньем
Я так мила.*

*Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.*

Не спрашивай: откуда появилась?

Куда спешу?

Здесь на цветок я легкий опустилась,

И вот — дышу.

Но долго ли без цели, без усилья

Дышать хочу?

*Вот-вот, сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.*

Афанасий Фет

Настанет день — исчезну я,

А в этой комнате пустой

Всё то же будет: стол, скамья

Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать

Цветная бабочка в шелку,

Порхать, шуршать и трепетать

По голубому потолку.

И так же будет неба дно

Смотреть в открытое окно,

И море ровной синевой

Манить в простор пустынный свой.

Иван Бунин

Грустное стихотворение: человек уходит из жизни раньше, чем бабочка — символ мимолетности бытия. Само же описание бабочки при всей поэтичности удивительно точно.

Уверен — если бы Владимир Набоков прочел стихотворение Иосифа Бродского «Бабочки» (а такая возможность у него была — это стихотворение написано в 1972 году, за пять лет до смерти Набокова), он поставил бы ее автора рядом с Буниным и Фетом.

IV

*На крылышках твоих
зрачки, ресницы —
красавицы ли, птицы —
обрывки чьих,
скажи мне, это лиц
портрет летучий?..*

Х

*Не ощущая, не
дожив до страха,
ты вьешься легче праха
над клумбой, вне
похожих на тюрьму
с ее удушьем
минувшего с грядущим,
и потому,
когда летишь на луг,
желая корму,
приобретает форму
сам воздух вдруг.*

И в этой философской стихотворной новелле бабочка — грустная «шутка Творца» — наводит на размышления о призрачности, случайности мира.

Я упомянул далеко не все произведения, в которых присутствуют бабочки, а лишь те, которые произвели на меня наиболее сильное впечатление. Но даже из такого краткого рассказа ясно, что эти прекрасные создания становились источником вдохновения для писателей с самыми разными судьбами, интересами и мерой таланта. Одно объединяет их всех: восхищение перед красотой и изяществом созданий, на крыльях которых природа наиболее ярко демонстрирует свои творческие способности. Примечательно, что почти всегда бабочки появляются в самых острых, подчас трагических ситуациях или даже служат причиной таких ситуаций. Почему-то эти прекрасные насекомые очень важны для нас, кажется, что они связаны с чем-то самым главным в человеческой жизни. Разве это не повод присмотреться к ним повнимательнее? Не зря Фрэнсис Бэкон писал: «Красота заставляет сверкать добродетели и краснеть пороки».

